

## НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

И. КАНТ

Лейпциг, у Г. И. Гёшена. Рецензия на: «Опыт о принципе естественного права» Готтлиба Хуфеланда, доктора философии и доктора обеих юриспруденций. Вместе с приложением. (1786)

Поиск источников наук, предмет которых должен мыслиться исключительно посредством понятий разума, подобных тем, что составляют практическую философию, не просто путем восхождения к исходным первоначальным понятиям и основоположениям, а учитывая ту легкость, с которой они могут утратить основания к допущению своей объективной реальности, и если к тому же эта последняя не может считаться доказанной лишь в силу их пригодности к отдельным имевшим место случаям, [поиск таких источников] в самой разумной способности — достойное похвалы занятие, коему посвятил себя господин Хуфеланд, избрав своим предметом естественное право.

В [первых] десяти разделах им излагается сам предмет естественного права, история развития понятия права, [рассматриваются] необходимые свойства его основоположений, затем его различные системы и [производится] их проверка, причем первое излагается с исторической основательностью, второе — с критической тщательностью. Здесь перечислены принципы таких [авторов], как Гроциус, Гоббс, Пуфендорф, Томазиус, Генрих и Самуэль фон Кокки [Соссеji], Вольф, Гундменг, Байер, Троейер, Келер, Клапрот, Шмаус, Ахенваль, Зульцер, Федер, Эберхард, Платнер, Мендельсон, Гарве, Хепфнер, Улрих, Целлнер, Гаманн, Зелле, Флатт, Шлетвайн. И трудно найти кого-либо, кто не был бы упомянут, что, несомненно, доставит всякому, желающему получить общее представление о том, что было сделано в этой области, приятное облегчение. Он ищет причины *расхождений последних в основоположениях*, а затем устанавливает формальные условия естественного права, выводит его основной принцип из им самим же построенной теории, более точно определяет [понятие] обязательства в естественном праве, и завершается труд вытекающими из этого положениями. В качестве приложения даются особые случаи применения упомянутых понятий и основоположений.

Останавливаться на каждом отдельном пункте столь обширного и разнообразного содержания было бы сколь пространном, столь и нецелесообразным [занятием]. Поэтому представляется достаточным выделить сам принцип, лежащий в основе созданной им системы и всего труда, начиная с восьмого раздела, и показать его источник и его назначение. Дело в том, что автор считает принципы, определяющие лишь форму свободной воли независимо от всякого объекта, недостаточными для практиче-

ского закона и, следовательно, для того, чтобы вывести из него обязательность. Поэтому он подыскивает упомянутым формальным правилам соответствующую материю, т. е. объект, который в качестве высшей цели разумного существа, приписываемой ему природой вещей, мог бы служить постулатом, и полагает, что он состоит в *совершенствовании* последнего. Отсюда [вытекает] высший практический принцип: способствуй совершенствованию всех существ, следовательно, и свою собственную [способность], из чего следует [обратное] положение: препятствуй уменьшению этого в других и прежде всего в себе самом (в той степени, в какой причиной этого являются другие); последнее содержит в себе с очевидностью противодействие и, следовательно, принуждение.

Своеобразие системы нашего автора состоит, таким образом, в том, что он полагает, что основание всякого естественного права и всякого права восходит к предшествующему естественному обязательству и что человек потому имеет право принуждать других, что обязан делать это (согласно последней части принципа). Иначе, полагает он, это право на принуждение нельзя обосновать. И хотя он все учение о естественном праве основывает на обязательствах, тем не менее он предостерегает от понимания его как обязанности других следовать нашему праву. Уже Гоббс заметил, что там, где наше притязание сопровождается принуждением, не может более мыслиться обязанность других подвергать себя принуждению. Отсюда он заключает, что учение об обязанности в естественном праве излишне. В этом рецензент охотно соглашается с автором. Ибо вопрос здесь только в том, при каких условиях я могу применять принуждение, не нарушая общих принципов права; а вопрос о том, имеет ли право другой, основываясь на тех же принципах, вести себя пассивно или активно, — его дело, но до тех пор, пока все рассматривается с точки зрения естественного состояния, однако в гражданском [обществе] приговору судьи, признающего право за одной стороной, противостоит всегда право противной стороны. Это замечание имеет большую пользу и в естественном праве, чтобы не вносить путаницы в суть правового основания привнесением этических вопросов. Однако то, что право принуждать и даже обязанность делать это, диктуемая нам самой природой, должна лежать в основании, — это представляется рецензенту не совсем ясным. Ибо из этого, как кажется, вытекает [то положение], что нельзя поступаться решительно ничем из своего права, для чего нам, собственно, и разрешено использовать принуждение, потому что данное право покоится на внутренней обязанности добиваться — и даже, если необходимо, с помощью силы — [осуществления] оспариваемого у нас [стремления] к совершенствованию. Но из этого явствует также и следующее: определение того, на что я имею право даже в самых простых случаях жизни, должно быть [необходимостью] столь искусственным, что да-

же самый изощренный ум впадал бы постоянно в затруднение — если он вообще был бы в состоянии — с точностью определить, как далеко простираются границы его права.

О праве на возмещение (компенсацию) автор утверждает, что оно в естественном состоянии вообще не имеет места, однако он признает, что не стоит отказываться от него только по той причине, что он, как ему кажется, не может доказать его. Он отрицает также существование в подобных условиях и [понятия] *вменяемости*, так как в этом не может быть судьи.

Некоторые наметки по его [права] применению автор дает в приложении, где говорится о первом знакомстве с ним посредством договоров, государственных и международных норм и говорит в заключение о необходимости введения новой науки, должествующей заполнить пробел между естественным и положительным правом.

Нельзя не упомянуть того, что в этом труде содержится много нового, глубоко продуманного и истинного, но вместе с тем такого, что призвано подготовить [почву] и направить поиски критериев истины в положениях естественного права, а также определить границы своеобразных владений его. Тем не менее рецензент весьма рассчитывает на доработку автором своего принципа в процессе его преподавания на практике. Ибо подобный вид эксперимента, исходя из чистых понятий, нигде так более не необходим и одновременно так полезен, как в вопросах права, покоящегося на одном лишь разуме. И никто другой не способен поставить подобный эксперимент с большим разнообразием и большей тщательностью, чем тот, кто имеет возможность апробировать его на таком большом количестве следствий, которое представляет ему его система в целом и которую он вынужден постоянно подвергать проверке.

Было бы не совсем уместно выдвигать здесь возражения, основанные на совершенно другой системе, которую [некогда] пытался построить сам рецензент относительно того же самого предмета. Его компетенция не простирается далее проверки того, согласуются ли выдвинутые положения между собой или с истинами, о которых он склонен полагать, что они разделяются также и самим автором. Поэтому нам нечего более добавить, кроме того, что настоящий труд свидетельствует о живом, пытливом и многообещающем уме автора, а упомянутое стремление всесторонне уточнить принципы как в обсуждаемой науке, так и других науках о разуме, вполне отвечают вкусу, а быть может, и самому знамению нашего времени и заслуживает поэтому всеобщей похвалы.

*Перевод с немецкого И. Д. Копцева.*